

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

Возникли очертания одесской Атлантиды

В культурной жизни города вроде бы нет недостатка в выходе книг, премьерях спектаклей, открытии выставок, проведении фестивалей. И все же События, а я намеренно пишу это слово сейчас с большой буквы, случаются нечасто. Событием для Одессы был показ коллекции американского миллиардера Арманда Хаммера в 70-е годы прошлого века, как в 1909-1910 годах Событиями были Салоны Издебского. Нам несказанно повезло, мы стали свидетелями, зрителями, соучастниками еще одного События – выставки в Музее современного искусства Одессы коллекции Первого одесского авангарда, исчезнувшей и возродившейся, как Феникс из пепла.

Мы стали свидетелями чуда. Но это рукотворное чудо бы не произошло, если б не упорное, настойчивое желание владельца коллекции МСИО Вадима Мороховского, директора МСИО Семена Кантора и его команды.

Но, впрочем, обо всем этом следует рассказать по порядку.

Если бы нас спросили, кто за последнее десятилетие внес наибольший вклад в понимание процесса становления искусства в Одессе, мы без сомнения назвали бы двух израильтян – Якова Перемена и Лесю Войскун. Я. Перемен умер, не дождавшись этой благодарной памяти, но у нас есть возможность установить мемориальную доску на Преображенской, 41, где он открыл магазин «Культура», а плодотворно работающая искусствовед Лесья Войскун достойна звания «почетный одессит». И первое, и второе начинание под силу Всемирному клубу одесситов.

Древние утверждали, что книги имеют свою судьбу. Картины, коллекции также. Не всегда благоприятную, но... бывают чудеса.

22 апреля 2010 года треть коллекции Якова Перемена (86 работ, среди которых лучшие картины Т. Фраермана, А. Нюренберга,

С. Фазини) были выставлены на продажу на аукционе «Сотбис» в Нью-Йорке. Цена в наши кризисные времена была немалая. И все же за 1 миллион 987 тысяч долларов три украинских коллекционера – Борис Фуксман, Андрей Адамовский и Александр Сусленский – купили эту коллекцию «одесских парижан», выпустили серьезный добротный каталог.

В это же время одесский искусствовед, библиограф Ольга Барковская создала монографическое издание, посвященное Обществу независимых художников Одессы.

И вот спустя почти сто лет считавшиеся пропавшими работы одесских «независимых» вернулись домой. В конце августа 2014 года в Музее современного искусства Одессы открылась выставка работ «одесских парижан». Так вопреки тоталитарному режиму возникли реальные очертания одесской Атлантиды, выявились истоки, из которых черпали вдохновение и художники Израиля, приходившие в дом Якова Перемена, и художники Одессы, учившиеся у Михаила Гершенфельда, Теофила Фраермана, Амшея Нюренберга.

Если бы наряду с политической существовала культурная карта Европы, то, убеждены, Одесса была бы на ней достойно обозначена. Еще бы: гении музыки – С. Рихтер, Д. Ойстрах, Э. Гилельс; гении литературы – И. Бабель, Ю. Олеша, И. Ильф и Е. Петров; гении кинематографа – А. Довженко, С. Эйзенштейн... А вот с представлением живописной школы вроде бы возникают проблемы. Медленно, постепенно в сознание искусствоведов, коллекционеров, самих художников вошло ощущение южнорусской школы живописи (К. Костанди, Т. Дворников, Г. Головков, П. Нилус) не как провинциальной веточки общероссийского тогда или украинского теперь искусства, а как яркой, блистательной линии импрессионизма, может быть, до сих пор еще вполне не оцененной, не открытой...

Но. И вот это «но» представляется очень важным. Одесская школа живописи возникала в борении традиций и авангарда. Традицией с начала XX века и стала южнорусская школа. Молодые новаторы учились у Кириака Костанди и искали свои пути в живописи. Ездили в Мюнхен, в Париж, возвращались, чтобы показать соотечественникам, что у искусства есть другие возможности.

На общероссийском (мировом) пространстве, конечно же, Одесса – это салоны скульптора В. Издебского, где были показаны

впервые в России в одних выставочных залах бубноволетцы и Матисс, одесситы Н. Гончарова, М. Ларионов. Одесса – это В. Кандинский, Д. Бурлюк, А. Крученых, Н. Альтман, В. Татлин... И все же все они, выставываясь в Одессе, оканчивая здесь художественное училище, не стали художниками Одессы. Для них этот город был только стартовой площадкой.

Когда мы говорим «первый одесский авангард», то чаще всего обращаемся в памяти к Обществу независимых художников. Боимся, что рассказ об «одесских независимых» был бы похож на описание архитектуры Атлантиды, если бы...

Бывают в жизни чудеса, верим мы в них или не верим. К таким чудесам следует отнести и то, что искусствовед Леся Войскун обнаружила в Израиле детей и внуков коллекционера Якова Перемена – у них хранились картины одесских «независимых», собранные в 1915-1919 годах меценатом, ученым и одновременно раввином Яковом Переменом.

Леся Войскун не только нашла эти коллекции, не только приехала в Одессу, чтобы поработать в архивах и библиотеках, в частных коллекциях, но и сделала в 2006 году выставку в Израиле – «Одесские парижане». Статьи появились в Париже и Нью-Йорке, в Москве и, конечно же, в Одессе. Хотелось показать эту выставку в Украине, прежде всего, в Одессе. Велись переговоры с посольством Израиля в Украине, не получилось – страховка оказалась неподъемной.

Но чудеса продолжались. Одна из семей-наследников выставки свою часть коллекции на аукционе «Сотбис», а это более 80 работ, треть того, что Яков Перемен собрал и привез в 1919 году в Израиль (государства еще не существовало, но о его создании мечтали поколения). И вот эту коллекцию одним лотом купил киевский коллекционер Андрей Адамовский с компаньонами.

В статьях о выставке «Одесские парижане» все израильские искусствоведы были единодушны: коллекция Я. Перемена, а он ее показывал широкому зрителю в 1920 и 1922 году, оказала переломное влияние на художников Израиля, сформировала израильский модернизм...

Вернемся мысленно в Одессу. Мы нередко называем неконформизм 60-х годов вторым одесским авангардом. Впервые эту терминологию предложил искусствовед и художник Сергей Князев,

переиначив формулу израильянина М. Гробмана – второй московский авангард. А о первом одесском авангарде могли судить по статьям в старых газетах и журналах, каталогам выставок, по пятишести подлинникам, сохранившимся в коллекциях нашего города.

Имена Теофила Фраермана, Амшея Нюрнберга, Сандро Фазини звучали магически, так как были овеяны воспоминаниями их учеников и друзей. Имя Якова Перемена вообще не произносилось, вроде бы стерлось из памяти. Мало того, что раввин, что сионист, так еще и поддерживал «левое» искусство. Пришло время отдать должное этому незаурядному человеку.

Личность самого Якова Перемена не менее интересна, чем личности художников, чьи работы он коллекционировал, и поэтов, которых он опекал. Недаром один из первопроходцев на земле Израиля, историк и литературовед профессор Иосиф Клаузнер, с которым Перемен в 1919 году эмигрировал из Одессы в Эрец-Исраэль на знаменитом пароходе «Руслан», говорил, что Якову Перемену больше подошла бы фамилия Феномен – такой разносторонней, важной и успешной была его деятельность. Глубокий, интеллигентный, отлично образованный, Яков Перемен последовательно претворял в жизнь свои «идеализмы». Родившись в 1881 году в Житомире в семье раввина, Перемен и получил классическое еврейское образование: хедер – ешива – бейт-мидраш, и сам стал раввином. Когда семья переехала в Одессу, он продолжил активно заниматься самообразованием. Но одесский воздух, видимо, имеет особое влияние. Очень скоро Перемен входит в интеллектуальную среду сионистского движения.

С юности Перемен был страстным книголюбом. В 1905 году они с женой открыли книжный магазин «Культура» на Преображенской, 41, который служил и библиотекой. Магазин быстро стал одним из центров еврейской интеллигенции города, «собранием мудрецов» – его гостями были писатель Менделе Мойхер-Сфорим, историк Давид Кахана, публицист и редактор И.Х. Равницкий, легендарный поэт Хаим-Нахман Бялик. На той же улице находилось художественное училище, поэтому неудивительно, что вскоре Перемен познакомился, а потом и сдружился с творческой интеллигенцией города.

Когда в Одессе начало формироваться движение молодых художников, которые не были и не хотели быть похожи на тра-

диционных южнорусских, Яков Перемен, обладая не только художественным вкусом и чутьем, но и определенной смелостью, последовательно покупал их работы, помогал организовывать выставки, финансово поддерживал художников, сдружился с Нюренбергом, Фраерманом, Маликом. За десять лет он приобрел около двухсот двадцати работ.

Сам Перемен писал: «В начале этого периода у меня в голове родились две идеи для Эрец-Исраэль и их воплощения в реальность: а) библиотека по лингвистике и ивритской культуре; б) художественная галерея еврейских художников в диаспоре и в Эрец-Исраэль. В течение десяти лет и также во время войны и революции я вложил силы и деньги в эти две коллекции».

Ему во многом удалось реализовать обе эти идеи. В декабре 1919 Яков Абрамович покинул Одессу и перевез в Палестину собрание картин, большую библиотеку с книгами на нескольких языках и личный архив. Сердцевину художественной коллекции составляли работы одесских модернистов из Общества независимых художников – Михаила Гершенфельда, Амшея Нюренберга, Исаака Малика, Теофила Фраермана, Сигизмунда Олесевича, Израила Мексина, Сандро Фазини – старшего брата Ильи Ильфа, и др.

Он мечтал о выставке «лучших еврейских художников в Палестине», национальной академии художеств, музее изящных искусств. Предполагалось даже, что часть художников эмигрируют вместе с ним. В Палестине Перемен активно берется за дело, и уже в 1920 году, через полгода после эмиграции, организует первую выставку своей коллекции в гимназии «Герцлия». Это была вообще первая экспозиция современного искусства в тогдашнем Израиле. В следующем году Яков Абрамович открывает в Тель-Авиве «Палестинскую постоянную художественную галерею», где выставляет работы и одесситов, и яффских художников и преподавателей, включая Бориса Шаца, Зеева Рабана, Меира Гур-Арье и других. Но, видимо, не пришло еще время – его инициативы наталкиваются на равнодушие и незаинтересованность. Правда, в 1936 году первый мэр Тель-Авива, тоже одессит Меир Дизенгоф, создавая художественный музей, попросил у Перемена несколько работ, но тот не хотел разбивать собранную с таким тщанием коллекцию. До самой смерти картины и рисунки

одесситов висели в его тель-авивской квартире на бульваре Ротшильд, 129, открытой для всех желающих. После смерти Перемена коллекция перешла его детям. В 2002 г. небольшая часть этого собрания экспонировалась в Тель-Авивском музее на выставке, посвященной искусству израильских художников 1920-1930-х гг. И, наконец, стараниями Леси Войскун в мае 2006 г. картины и рисунки «одесских парижан» предстали перед зрителями в полном объеме в Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане.

Можно уверенно сказать, что деятельность Якова Перемена повлияла на развитие современного искусства в Израиле. Уверены, что повлияет и в Украине, в Одессе. Ведь в вихрях революций и войн пропали или были уничтожены практически все работы художников первой волны одесского авангарда. Благодаря коллекции Якова Перемена мы теперь можем заполнить этот пробел.

Итак, Яков Перемен поддерживал живописцев, входивших в Товарищество независимых художников. Уже более десяти лет собирает по крупицам материалы об одесских «независимых» библиограф отдела искусств Одесской публичной библиотеки Ольга Барковская. Именно она составила библиографический словарь художников южнорусской школы. Любители искусства ждали от нее очередного подвига – выпуска книги о «независимых». И дождались!

Впервые в печати «выставкой независимых» назвали выставку осенью 1916 года (по аналогии, естественно, с парижским «Салоном независимых»). В этой выставке заметными были Михаил Гершенфельд, Амшей Нюренберг, Сигизмунд Олесевич. Все они попадут в коллекцию Я. Перемена. В начале 1917 года состоялось формальное создание Общества независимых художников. Председателем его стал М. Гершенфельд, членами – Сандро Фазини, Теофил Фраерман, Исаак Малик, Амшей Нюренберг, Полина Мамичева... До прихода советской власти, а в Одессе это начало 1920 года, общество успело провести три выставки, открыло «Свободную академию изящных искусств», активно сотрудничало с молодыми писателями, оформляя поэтические альманахи.

Противоборство «независимых» и «южнорусских» оживляло художественную жизнь города. Художественный критик Николай Скроцкий писал: «Несомненно, возникшее соперничество художественных групп вполне в интересах искусства».

Нужно отдать должное художественному вкусу и чутью Якова Перемена – для своей коллекции он отбирал действительно значительные картины.

Вот этот парад-представление художников первого одесского авангарда, которое стало возможным благодаря коллекции Перемена, хотелось бы начать с Теофила Борисовича Фраермана, у которого Я. Перемен купил 12 картин (по каталогу Я. Перемена), хоть пока Л. Войскун обнаружила в семьях наследников 10.

Начнем с биографии. Она характерна для бунтарей того поколения. Теофил Фраерман родился в 1883 году в богатой еврейской семье в Бердичеве. Когда-то Илья Ильф шутил, что после смерти обязательно напишут – родился в бедной еврейской семье. Теофил ломал стереотипы сызмальства. Родился в богатой семье. Добился, чтоб его в 14 лет отпустили в Одессу, где с 1897 по 1902 год учился у К.К. Костанди. Казалось бы, после такой выучки бери кисть и иди пиши сирень – ее на Большом Фонтане было предостаточно. Но 19-летний юноша едет в Мюнхен в школу Ашбе, затем в Париж. Восемь лет жизни в Париже – с 1906 по 1914 год. Учеба в академии у Г. Феррье, выставки, знакомство и дружба с Матиссом, признание – член жюри Осеннего салона. И вновь тяга к перемене мест: с 1914 года – Лондон. Трудно сказать, как бы жизнь шла дальше, но все прервала телеграмма из Одессы – мама тяжело больна.

Теофил Фраерман появился в Одессе в начале 1917 года. Думал, что на несколько месяцев, оказалось – на 40 лет. Ему было в 1917 тридцать четыре года. Сложившийся человек, известный художник. Первые работы он показал у одесских «независимых» в том же 1917 году.

Какими видятся из нынешнего далека картины Теофила Фраермана 1917-1919 годов? Уверенная, зрелая живопись. Он воспринял уроки Сезанна, но ему не чужды мастера Возрождения. Эти композиции не мешают ему проверять схемы плоскостного кубизма. По сути, в те годы как-то не задумывались о монументальной живописи, а «Пророк», «Вечер», «Монастырский двор», «Голова Иоанна Крестителя» монументальны. Казалось бы, переводя их в формат, настолько они созвучны «большому стилю». Наряду с этим такие романтические вещи, как «Попугай», «Жираф». Кажется, они навеяны стихами Николая Гумилева:

Послушай, далёко, далёко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Изысканным жирафом, попавшим из «далёко, далёко» в наше безумное революционное лихолетье, многим видится и Фраерман (в Париже он подписывал картоны монограммой «ТеоFra», в Одессе вновь без изысков – «Фраерман»). Но очень быстро он находит свое место – преподает, создает Музей западного и восточного искусства, устраивает первую выставку в Украине Нико Пиросманишвили.

Остались воспоминания о Т.Б. Фраермане его учеников Е. Кибрика, В. Полякова, О. Соколова. Остались его картины советского времени – мрачные серо-черные пейзажи Уфы военных лет.

Бесконечные упреки в формализме в 1949 году сменились упреками в космополитизме. Ему запрещают преподавать...

Но вот наступает 1956 год, оттепель, пользуясь определением И. Эренбурга. У себя в мастерской начинает возвращаться к самому себе, к свободе, к декоративизму, иронии, но как бы на новом дыхании Теофил Борисович Фраерман. Ему остается жить всего год, но и до 1957 года он успевает сделать несколько десятков острых, проникнутых ощущением молодости гуашей. Мы их увидим (и то – не все) на его посмертной выставке в том же 1957 году в Одессе. И хоть в предисловии к каталогу (анонимном) художника уже не упрекали в формализме, но по-прежнему звучал упрек в... камерности творчества. И лишь ученик Фраермана, правда, давно уехавший из Одессы, в своем творчестве отошедший и от заветов Фраермана, и от заветов Филонова (а он учился и у того, и у другого), народный художник СССР Е. Кибрик в слове об учителе писал: «Когда до меня доходили слухи, что Теофила Борисовича называют формалистом, я не мог этого понять... он был очень тонким и оригинальным художником, творчество которого отмечено тем пытливым беспокойством, бесконечными исканиями, которые отличают каждого художника, обладающего художественной индивидуальностью».

Невнятная фраза, хоть уже за окном оттепель. Но бывалые люди, а Кибрик был бывалым человеком, понимали, что оттепели приходят и уходят, а советская власть остается.

Один из нас (Е. Голубовский) попал в дом Теофила Борисовича Фраермана в 1958 году, через год после смерти мастера. На стенах в квартире висели его последние гуаши 1956 года, под кроватью – большие холсты, натюрморты и пейзажи, сделанные в эвакуации. Первое впечатление, оставшееся на всю жизнь, – присутствие большого Мастера. Единственная парижская картина – проститутка на бульваре, как бы переключившаяся с Ван Донгеном, и два-три десятка современных гуашей, изысканных в своей простоте, чувственных, одесских, но в то же время навсегда парижских.

Т. Фраерман. «Дафнис и Хлоя»

Трудно было представить, что через 50 лет увидим раннего Фраермана, что сохранены работы одесского периода «бури и натиска».

Наиболее полно представлен в коллекции Якова Перемена был Амшей Нюренберг – восемнадцатью работами. Художник дружил с коллекционером почти десять лет. Так и образовалось это собрание, в котором самая ранняя работа, «Алые паруса», датирована 1910 годом, а самая поздняя, «Городок Круты», – 1919 годом.

Амшей Маркович Нюренберг младше Теофила Борисовича Фраермана, родился в 1887 году в Елисаветграде, вновь-таки в богатой еврейской семье. В 1904 году приехал в Одессу и поступил в училище, учился у К.К. Костанди, позднее написал поэтические воспоминания об учителе. Они вошли в книгу мемуаров, в 2010 году изданную в России, – «Одесса – Париж – Москва».

Окончив училище, уехал в Париж, жил в знаменитом «Улье» в одной комнатке с Марком Шагалом. Много позднее зять А.М. Нюренберга писатель Юрий Трифонов не раз изобразит старого художника, сквозь всю жизнь как высшую драгоценность пронесшего автопортрет Шагала.

В 1912 году Амшей Нюренберг возвращается в Одессу. Он возмутитель спокойствия, участник всех выставок «левого» искусства, организатор Народной выставки, руководитель

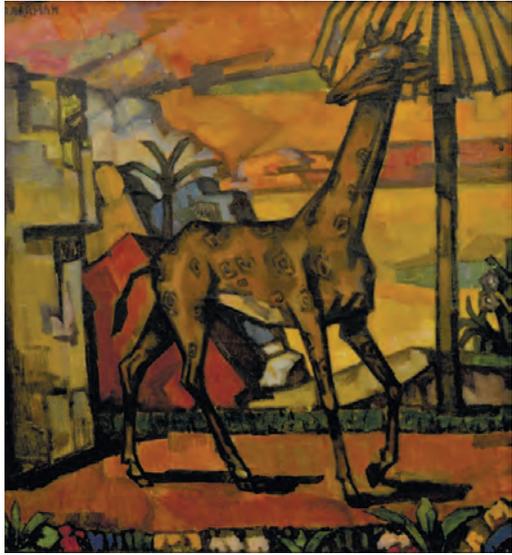
оформления города к 1 Мая 1919 года. Тогда же уезжает в Москву. Знакомится с Вл. Маяковским, работает в «Окнах РОСТА». Но настоящая живопись все еще привлекает его, и в 1922 году он организует объединение «НОЖ» («Новая живопись»). В 1924 году открыл выставку акварелей совместно с Р. Фальком и А. Шевченко. А потом – постепенно засасывающая трясина соцреализма.

Один из нас (Е. Голубовский) познакомился с А. Нюренбергом в начале шестидесятых, встречал его в 1963 году в Одессе, когда здесь открылась его персональная выставка. Переписывались, бывал у него в мастерской на Масловке в Москве. Горестно говорил старый художник о том, что все его дореволюционные картины погибли в годы гражданской войны. И единственное, что ему оставалось, – написать книгу воспоминаний о друзьях молодости. Попытка издать книгу в Одессе не увенчалась успехом, в Москве цензура оставила от книги одну треть. И лишь после смерти художника, а он умер в Москве в 1979 году, его внучка Ольга Танган смогла уже в наши дни опубликовать его мемуары.

Но вернемся к картинам А. Нюренберга из коллекции Якова Перемена. В 1910 году Амшей Нюренберг исповедует принципы фовистов. Он осознал завоевания Гогена, он знает заветы Сезанна (кстати, в 1924 году выйдет книга А. Нюренберга «Сезанн»), но всего ближе ему Матисс. Чувственность его Саломеи, а в коллекции две работы – «Завтрак Саломеи» и «Пир Саломеи», вызов пуританской живописи южнорусских, художник старается найти знак для каждого явления мира, будь то парусник, острова, фигуры воинов. И только чувственный знак Саломеи заряжает воздух теми ритмами, которые и определяют для нас сегодня «Серебряный век».

Наличие в собрании картин за десятилетний период позволяет увидеть, как мастер движется от декоративно-плоскостной к аналитически-объемной форме. «Купальщики» – это уже энергетика кубизма, мощь, не свойственная А. Нюренбергу 1910 года.

Закончить рассказ о Нюренберге хотелось бы эпизодом, связанным со Свободной мастерской. Закрыв выставку 1918 года, художники устроили пирушку в студии на Екатерининской, 24. А дальше слова из воспоминаний Я. Перемена: «В знак благодарности и признательности за многолетнюю помощь художники решили преподнести мне оригинальный подарок на память: на-

Работы одесских художников
из коллекции Якова Перемена

На первой странице:
Т. Фраерман. «Пророк» и «Жираф»
И. Малик. «Маски в Версале»

На второй странице:
А. Нюренберг. «Красные паруса»
и «Белые паруса»
И. Малик. «Адам и Ева»
И. Мексин. «Красный фонарь»

На обложке: С. Фазини. «В кафе»

С. Олесевич. Портрет С. Фазини

рисовали мой портрет в форме шаржа, который отмечает мою преданность искусству». Экспромт тут же нарисовал Амшей Ньюренберг, присоединились к этой работе еще двадцать живописцев. Эта работа сохранилась в коллекции Я. Перемена.

И, думается, третий знаковый художник начала века в Одессе – Сандро Фазини. Старший брат Ильи Ильфа, Александр Арнольдович Файнзильберг (Сандро Фазини – псевдоним) родился в 1893 году и тоже в небедной еврейской семье. И хоть он младше Т. Фраермана и А. Нюренберга, но в связи с тем, что не уезжал учиться за границу, ограничившись только Одесским художественным училищем, он оказался сразу же погружен в литературно-художественную жизнь, писал стихи, рисовал карикатуры, иллюстрировал поэтические альманахи молодых поэтов «Серебряные трубы» и «Авто в облаках», «Седьмое покрывало» и «Чудо в пустыне». А на выставках «независимых» показывал свою живопись.

В коллекции Я. Перемена были его иронические иллюстрации к альманаху «Седьмое покрывало», такие как «Жаннетта с собачкой». Но наиболее значимыми представляются работы, в которых ощущается настроенность на примитив (вывеску, лубок), перекликающиеся с тем, что писал в этом же году Михаил Ларионов. Наиболее удачна акварель Сандро Фазини «В кафе» 1915 года, где сидят солдат и дама за столиком, а на столе ваза с сезанновскими фруктами. К этим же «солдатским примитивам» примыкают «Адам и Ева» 1915 года и «Пролетарка» 1915 года.

Какими станут пролетарки чуть позже, Сандро Фазини не увидел. Ему удалось эмигрировать в 1922 году. Двадцать лет жизни в Париже – это кубистические натюрморты, это выставки, увлечение фотографией и вновь выставки. Но немецкие фашисты оккупируют Францию. Сандро Фазини погиб в Освенциме в 1944 году.

Но хотела или не хотела советская власть, передача эстафетной палочки состоялась. У Теофила Фраермана учился Олег Соколов, Теофил Фраерман оказал влияние на Юрия Егорова. А может быть, еврейской серии Иосифа Островского не было бы, если бы он не увидел еврейских мудрецов Амшея Нюренберга. К сожалению, передача наследия шла не столь активно – очень мало было в Одессе картин мастеров первого одесского авангарда.

Мы рассказали только о судьбах трех мастеров, представленных на выставке. Но музей собирается еще и еще знакомить одесситов с Первым одесским авангардом, и тогда мы расскажем о замечательных мастерах, таких как И. Мексин, С. Олесевич, И. Малик и других...